

И П П О К Р Е Н А,
ИЛИ
УТѢХИ ЛЮБОСЛОВІЯ,

на 1800 годѣ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА.

ВЪ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія.

КРАСОТЫ СТЕРНА,

Пульсъ.

Парижъ.

Привѣспивую васъ, маленькія пріятныя вѣжливости въ жизни! ибо вы пущь ея дѣлаете гладкимъ, подобно прелести и красотѣ, которыя при первомъ взглядѣ возраждають въ сердцѣ склонности любви; вы однѣ отверзаєте дверь, и выпускаете незнакомца. —

Пожалуйте скажите мнѣ, сударыня! сказалъ я, въ которую сторону поворошите мнѣ, чшобъ пройди къ театру на комическую Оперу?

Съ великою охотою, *monsieur*, отвѣчала она положивъ свое руководство. —

Я заглядывалъ идучи болѣе нежели въ полдюжину лавокъ сряду, желая найши такое лицо, которое не наморщилось бы отъ моей помѣхи, пока наконецъ это лицо пришло по моимъ мыслямъ, и я вошелъ. —

Она шила пару манжетъ, сидя на скамейкѣ въ углу своей лавки, прямо прошивъ дверей. —

Trés volontiers — съ великою охотою, сударь, отвѣчала она, положивши свою работу на спулъ возлѣ себя, и вставши съ скамейки, на которой сидѣла, съ такимъ пріятнымъ движеніемъ, съ такимъ ласковымъ взглядомъ, что ежели бы я купилъ въ ея лавкѣ на 50 луидоровъ, то и тогда бы сказалъ: „эта женщина признапельна!“

Вы должны, сударь, сказала она идучи со мною къ дверямъ лавки, и указывая пальцомъ вдоль улицы, по которой надобно мнѣ ийти вы должны поворошитъ сперва на лѣво — *mais prenez garde!* тамъ будетъ два поворопа: то вы изволите пойти другимъ; по томъ прошедши нѣсколько

далѣе, намѣ увидите церковь; миновавъ ее, поспѣшавъ возмите прудъ поворотишь на право, и вы дойдете до самаго моста (pont neuf); его должно вамъ перейти - а намъ всякой вамъ съ удовольствіемъ укажетъ.

Три раза повторила она мнѣ свои наставленія, и въ претій разъ все съ такимъ же добродушнымъ шепотомъ, какъ и въ первой, и ежели *шопъ* и *минет* имѣютъ свой смыслъ, какъ и имѣютъ, да только не для сердецъ, которыя пропускаютъ его мимо: то она казалась мнѣ и подлинно озабоченною, чѣмъ я не заблудился.

Я не хочу предполагать, чѣмъ это была красота сей женщины, хотя признаюсь она была самая прелестнѣйшая мѣщанка, какую я только видѣлъ; чѣмъ красота, говорю, возбудила во мнѣ такія мысли объ ея вѣжливости; помню только, что сказавъ, сколь много обязанъ, я посмотрѣлъ очень приспально ей въ глаза, и повторилъ ей мою благодарность сколько разъ, сколько

она мнѣ прежде свои наспавленія. —

Я не прошелъ еще десяти шаговъ отъ ея дверей, какъ опамятовался, что все забылъ, что она мнѣ ни полковала; оглянувшись назадъ, и видя, что все еще синопнѣ она у дверей своей лавки, какъ будто присмапривая, шююль я дорогою пойду, или нѣшѣ. Я воропился спросишь у нее опяшь, куда сперва поворопишь мнѣ, на право или на лѣво; попому что у меня это совершенно вышло изъ памяти. — Возможно ли! молвила она почти разсмѣявшись. Очень возможно, опвѣчалъ я, когда человекъ больше задумается объ женщинѣ, нежели о ея наспавленіяхъ.

Какъ это была дѣйсствительная правда, то она приняла ее, какъ всякая женщина принимаетъ чтонибудь справедливое, съ маленькимъ поклономъ.

Attendez! поспойте! сказала она пронувши меня за рукавъ, чтобъ удержашь, между тѣмъ какъ позвала мальчика изъ магазина, что позади ея лавки, чтобъ онъ пошчасъ при-

гоповилъ связку перчатокъ . . . я только что хопѣла послать его съ перчатками шуда же, куда вамъ ишти; и ежели вамъ угодно посидѣшь у меня, онъ будетъ гоповѣ эту минушу, и проводитъ васъ до мѣста. — Такимъ образомъ вошелъ я съ нею въ лавку, и взялъ манжету, копорую она положила на спулѣ, будто бы хочу сѣсть. Она сѣла на своей скамейкѣ, и я немедленно возлѣ нее на спулѣ. —

Онъ будетъ гоповѣ въ одну минушу, сударь! . . . сказала она, и въ эту минушу желалъ бы я охотно сказать вамъ чтонибудь самое приятное за всѣ такія ласки. — Всякой можетъ показать случайно опытъ доброты, но продолженіе доказываетъ, что это ужъ происходитъ отъ прямого добросердечія; и подлинно, примолвилъ я — ежели ша же кроеъ, копорая идетъ отъ сердца, бьется и въ эпѣхъ вашихъ жилахъ (шупѣ пронулъ я ее за руку), то я увѣренъ, что у васъ долженъ быть самой лучшей пульсъ изъ всѣхъ женщинъ въ сѣпѣ. — „Посмотрите ка,

сказала она, просянувъ ко мнѣ руку, — Положивъ шляпу, взялъ я ее за пальцы одною рукою, свои два передніе пальца другой руки приложилъ къ пульсу.

Есильи бѣ, мой любезный Евгений! ты прошелъ въ сію минушу мимо лавки, и увидѣлъ меня, какъ я сижу въ моей праздничной формѣ, въ черномъ платьѣ, и считаю каждое біеніе пульса съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы ожидалъ прекращенія пароксизма въ ея лихорадкѣ . . . сколько бы ты смѣялся! сколько бѣ разсуждалъ о новомъ моемъ промыслѣ! и ты бы могъ смѣяться и разсуждать, сколько тебѣ угодно. Вѣрь мнѣ, любезный Евгений, сказалъ бы я тебѣ: есть еще гораздо хуже упражненія въ свѣтѣ, нежели считать пульсъ у женщины . . .

Но у мѣщанки! . . . опвѣчалъ бы ты, и въ открытой лавкѣ, Іорикъ!

Тѣмъ лучше, Евгений! — Ежели намѣренія мои праводушны, я ни мало не забочусь, когда бы и цѣлою свѣтѣ видѣлъ, что я считалъ пульсъ.

М У Ж Ъ.

П а р и ж ъ.

Я насчиталъ 20 пульсовъ , и добирался почти до сорока , какъ мужъ ея неожиданно вошелъ изъ задней горницы. — Это немножко замѣшало меня въ счепу. — „Нѣтъ ничего , опивѣчала она . . . это мой мужъ „ И такъ началъ я сѣбнова. — „Эпопѣ баринъ , сказала она , идучи мимо ларки поспрудился зайпи посмопрѣшь мой пульсѣ. — Мужъ сняши шляпу мнѣ поклонился , и сказалъ , что я дѣлаю ему много чеспи , и при словѣ опяшь надѣлѣ шляпу , и вышелъ вонъ. — —

Боже мой ! думалъ я самъ въ себѣ , когда онъ вышелъ : не уже ли это ея мужъ ?

Пускай не мучипѣ это щѣхѣ немногихъ , копорые знаюшѣ причину такоого восклицанія , ежели я извѣсною ея пѣмѣ , копорые не знаюшѣ. —

Въ Лондонѣ лавочникъ кажется одно шло и душа съ своею женою. Въ различныхъ дарахъ ума и шбла иногда одинъ, иногда другой имбентъ ихъ такимъ образомъ, что чрезъ общее и равное сношеніе обоихъ, они столько близки другъ къ дружкѣ, сколько обыкновенно бываетъ мужъ къ женѣ. —

Въ Парижѣ едва ли найдутся два рода сущестивъ, столько различныхъ между собою; ибо какъ право законодательное и исполнишельное лавки не принадлежишъ мужу, то онъ рѣдко въ ней бываетъ; сидишъ себѣ въ шемномъ углу за стѣною безъ всякаго шоргу, въ своемъ колпакѣ, съ такою же грубоспію сына Природы, какъ Природа его создала. —

Духъ такого народа, гдѣ все, кромѣ самодержавія, неизключительно женскому полу, успуцивши совершенно сію часть со многими другими однѣмъ женщинамъ; чрезъ непрерывное кругообращеніе модъ всякаго рода и всякаго званія онѣ ушра до вечера, здѣлался подобенъ одному изъ

шѣхъ грубыхъ кремней, которые, брошены будучи въ одинъ мѣшокъ, опѣ частаго и легкаго шренія потеряютъ не только всю свою шероховатость и неправильность острыхъ угловъ, но даже округлятся, а нѣкоторыя получатъ полировку бриліанта. — Monsieur муженекъ право нѣсколько глаже камня, чѣмъ на мостовой. —

Точно, точно, человекъ! ты не сотворенъ для одиночества въ мірѣ . . . ты созданъ для обращенія въ обществѣ, и для той обходительности съ ближними, которая улучшаетъ наши нравы. Свидѣтельствуюсь собственнымъ примѣромъ!

Какъ же онъ бѣется, Monsieur! . . . спросила она меня . . . Со всею крошечкою и доброю ласковостію, сказалъ я, смотря спокойно въ ея глаза, которыхъ ждалъ впрѣчи съ моими. — Она хотѣла что-то отвѣчать взаимно ласково — — — но мальчикъ съ перчатками вошелъ въ лавку. — А propos! сказалъ я, мнѣ и самому надо бна пара.

П Е Р Ч А Т К И.

П а р и ж ь.

Прекрасная лавошница вспала, зашла за сполъ, вынула связку перчатокъ, и разложила ихъ передо мною. Я зашолъ съ другой стороны напрошивъ ея, — онѣ всѣ были очень широки. — Красавица придѣвала ихъ по порядку на мою руку, но мѣра все была ша же; . . . наконецъ просила она примѣряшь послѣднюю пару, которая всѣхъ казалась поуже . . . она держала ее опкрывши; рука моя вошла вся какъ разъ . . . Не годился, сказалъ я покачавши легонько головою. — Нѣшъ, опивѣчала она, дѣлая тоже . . .

Вспрѣчаются иногда такіе тонкіе взгляды, въ копорыхъ спранность и разсудокъ, важность и дурачество такъ между собою сосредопчиваются, что ежели бы всѣ языки при смѣшеніи Вавилонскомъ заговорили, они бы не могли того выразить; — взгляды сіи скоропоспивно сообщаются и принимающ-

ся, что едва можно сказать, кто на кого дѣйствуетъ. — Я оставляю всеобщимъ словоохотнымъ наполнишь страницы сею маперією, но на этомъ разѣ довольно еще повспоришь, что перчатки не годились; и такъ мы оба, сложа руки подъ мышки, облокопились на сполъ. — Онъ былъ узокъ, и только что оставалось между нами мѣсто для связки перчатокъ. —

Прекрасная мѣщанка поглядывала на перчатки, по томъ на спорону къ окошку, по томъ опять на перчатки, по томъ на меня . . . Я не былъ расположенъ прерывать такое молчаніе, и слѣдовалъ ей примѣру: глядѣлъ на перчатки, по томъ на окошко, по томъ на нее, и такъ попеременнокамъ. —

Но я примѣнилъ, что много проигрывалъ при каждой атакѣ; — ея черной пронзительной глазъ сквозь долгія шелковистыя рѣсницы проходилъ до глубины моего сердца; — онъ поражалъ меня . . . Я покажусь иному спрааннымъ; но чувствовалъ по крайней мѣрѣ, что по такъ было. —

Нѣтъ нужды, сказалъ я; взявши двѣ пары перчатокъ, которыя лежали возлѣ меня; и спряталъ ихъ въ карманъ.

Я былъ увѣренъ, что прекрасная перчаточница не попросила бы у меня больше одного ливра сверхъ цѣны... и я даже хотѣлъ, чтобъ она запросила больше цѣлымъ ливромъ. — Я недоумѣвалъ, какъ бы съ эѣмъ сладись... — Думаєте ли вы, милой мой баринъ! (сказала она; принимая въ другую спорону мое замѣшательство) чтобъ я могла взять лишнюю копейку съ чужеспранца, которой по одному своему учпивству, а не по надобности въ перчаткахъ, дѣлаешь мнѣ честь, полагаясь на мой запросъ? m'en croyez — vous sарable?... Нѣтъ, по чести; — да ежелибъ и шакъ, я бы съ радостію заплашилъ... Послѣ сего пересчитавъ деньги на ея ладонь, я поклонился ниже, нежели обыкновенно кланяюпся порговкѣ; а мальчикъ пошелъ за мною съ связкою...

Сувств. Путеш. стр. 59.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листкѣ.)

КРАСОТЫ СТЕРНА.

(Продолженіе.)

П И Р О Ж Н И К Ъ.

Версалия.

Увидѣвши челоѵка, сіпоящаго съ корзинкою по другую спорону улицы въ Версалии, какъ будто онъ имѣетъ нѣчто продашь, приказалъ я Лафлеру спросить у него, гдѣ домъ Графа Б *** ?

Лафлеръ возвратился нѣсколько поблѣднѣвши, и сказалъ мнѣ, что это Кавалеръ Св. Людовика, и продаетъ пирожки. — Спашочное ли дѣло, Лафлеръ ! сказалъ я. — Лафлеръ не могъ изъяснить сего явленія сколько же, какъ и я, но онъ настоялъ въ истинѣ; онъ видѣлъ на немъ крестъ, оправленный золопомъ, на красной лентѣ въ пеплѣ; — заглянулъ въ корзинку, и увидѣлъ пирожки, ко-

морые продаешъ Кавалеръ; слѣдственно не могъ обмануться. —

Такая превратность въ жизни человека возбуждаешъ какое - то лучшее побужденіе, нежели одно любопытство. Я нѣсколько минушъ не могъ на него наглядѣться, сидя въ моей коляскѣ, и чѣмъ больше смотрѣлъ на его креслѣ и его корзинку, тѣмъ болѣе они врѣзывались въ мои мысли, и я вышелъ изъ коляски и подошелъ къ нему. —

Онъ былъ подпоясанъ чистымъ передникомъ изъ холста, которой доспавалъ ему за колѣни, и за поясъ на верху закрывалъ грудь его до половины; на верху и немножко ниже опорочки висѣлъ креслѣ. Корзинка его съ пирожками была закрыта чистую за прапезною салфеткою; а другая такая же подслана была въ низу. Во всемъ видна была такая опрятность, такая чистота, что можно бѣ покупать его прирочки сколько жѣ изъ аппетита, сколько изъ чувства . . .

Онъ не подносилъ ихъ никому, но ждалъ спокойно подъ угломъ

дворца прохожихъ, кто хочеть купить безъ приглашеній. —

Ему около 48 лѣтъ; взгляду онъ поспояннаго и нѣсколько близкаго къ важности. Этому я не удивился. —

Я подошелъ охотнѣе къ его корзинкѣ, нежели къ нему; и поднявши салфетку, взялъ въ руку пирожокъ; — шупъ просилъ его изъяснить мнѣ наружность, копорая на меня сколько подѣйствовала.

Онъ разсказалъ мнѣ въ короткихъ словахъ, что лучшее время своей жизни провелъ онъ въ службѣ, гдѣ проживъ небольшое имѣніе, получилъ онъ роту, а съ нею и крестъ; но какъ по заключеніи послѣдняго мира полкъ, въ которомъ онъ служилъ, расформированъ, и цѣлой корпусъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими полками остался безъ всякой провизіи, то онъ увидѣлъ себя въ пространномъ свѣтѣ безъ друзей, безъ копейки, и подлинно, сказалъ онъ, безъ всего, кромѣ эпоза (указывая при сихъ словахъ на свой крестъ)... Бѣдный Кавалеръ привелъ меня въ жалость, и кончилъ пѣмъ, что я почувствовалъ къ нему уваженіе. —

Король, сказалъ онъ, есть самой великодушной Государь; но его великодушіе не можетъ помогать и награждать каждого; и одно мое несчастіе то, что я въ числѣ такихъ, что у меня есть жена, которую я люблю и которая дѣлаетъ это, и я не поставляю въ томъ безчестья, прибавилъ онъ, чтобы прокормить себя и ее симъ способомъ, -- пока Провидѣніе доставитъ лучшій.

Было бы несправедливо съ моей стороны, лишитъ добрыхъ людей упрежденія, не рассказавши, что случилось съ бѣднымъ Кавалеромъ Св. Людовика, девять мѣсяцовъ спустя.

Видно, что онъ всегда оспанавливался у желѣзныхъ воротъ, которыя ведутъ въ Дворецъ; что крестъ его привлекалъ взоры многихъ; многіе дѣлали ему нѣже вопросы, что и я; онъ отвѣчалъ имъ поже, что и мнѣ, и все съ такою скромностію, съ такимъ благоразуміемъ, что это наконецъ дошло до слуха Королевскаго. Онъ узналъ, что Кавалеръ былъ храброй Офицеръ, признанный во всей арміи за честнаго и

добраго челоѣка; — уничижилъ эпопѣ его поргѣ, назначивъ ему пенсію по 500 ливровѣ на годѣ.

Чувств. Путеш. стр. 148.

Какѣ я разсказалъ для удовольствія чипапеля эпу повѣсть, по пускай же позволипѣ онѣ разсказатѣ мнѣ другую для себя, но у мѣспа за за сею; онѣ пакѣ много обѣясняющѣ одна другую, что кажется жалко ихѣ разлучатѣ. —

Ш П А Г А.

Когда цѣлыя обласпи и царства имѣющѣ періоды своего паденія, и чувспвуютѣ вѣ своихѣ оборотахѣ, что такое злополучіе и бѣдность: по за чемѣ мнѣ запинахся и не разсказатѣ причинѣ постепеннаго упадка фамиліи д' Е * * * вѣ Брепани? Маркизѣ д' Е * * * прошивоборспвовалѣ своей учаспи сѣ великою швердосіію духа, желая ещѣ показатѣ свѣспу нѣкопорые слабые оспап-

ки своихъ предковъ, которыхъ однакожъ нескромность здѣлала и по невозможнымъ. Всего оставалось только для удовлетворенія нуждъ въ самой глубокой неизвѣстности. Но у него было два сына, которые ожидали отъ него, чтобъ вывелъ ихъ въ свѣтъ. — Онъ думалъ, что они это заслуживаютъ. И такъ испытывалъ свою шпагу — она не могла проложитъ ему дороги — повышение сопряжено съ великими издержками; а пресная бережливость не можетъ поправитъ его состоянія; — другаго приближеннаго не оставалось, кромѣ портографа. —

Во всѣхъ провинціяхъ Франціи (кромѣ Бретани) такой поступокъ могъ бы совершенно испребитъ самый корень древа любочестія; но въ Бретани было еще средство, и онъ воспользовался симъ случаемъ. — Какъ скоро Шшапы собрались въ Реннъ, то Маркизъ съ двумя своими сыновьями вошелъ въ Собраніе, и претребовалъ произвести въ дѣйство древнее право по законамъ сего Герцогства, которое хотя и рѣдко

употреблялось, говорилъ онъ, но не меньше того сохраняло всю свою силу. — И снявъ шпагу свою съ боку — „возьмите ее, сказалъ, и будьте вѣрными ея хранилелями до тѣхъ поръ, пока лучшія обстоятельства и время приведутъ меня въ состояніе назадръ ее попребовать.„

Президентъ принялъ шпагу Маркизову. — Онъ подождалъ нѣсколько минутъ; посмопрѣлъ, какъ клали ее въ архивъ его фамилии, и удалился. — На другой день Маркизъ со всѣмъ своимъ семействомъ отправидись въ Маршнику, и чрезъ 19 или 20 лѣтъ пріобрѣвши богатство непрерывными трудами при хорошихъ успѣхахъ въ торговлѣ, и получивъ нѣкопорыя неожиданныя наслѣдства отъ удаленныхъ своихъ родственниковъ, онъ возвратился въ домъ, опять попребовалъ своего благородства и его принадлежности. —

Такой удачной случай не могъ встрѣпиться ни съ какимъ путешественникомъ, кромѣ чувствительнаго, чшобъ бытъ ему въ Реннѣ въ самыя минуты еего торжественнаго

требованія — я называю его шорже-спвеннымъ — оно было шаково для меня. —

Маркизъ вошелъ въ Собраніе со всею фамилією. Онъ велъ свою жену, старшій сынъ сеспиру, а младшій шелъ на линіи возлъ своей матери. — Дважды прикладывалъ онъ плапокъ свой къ лицу.

Было глубокое молчаніе. Маркизъ, подошедъ на шесть шаговъ къ Трибуналу, оставилъ жену свою младшему сыну, самъ выступилъ при шага впередъ, и пребовалъ своей шпаги. Шпага была ему возвращена. — И въ ту минуту, какъ взялъ онъ ее въ руки, вынулъ изъ ноженъ — это было свѣтлое лице друга, съ копорымъ не думалъ онъ уже больше видѣться. — Онъ осматривалъ ее: сперва началъ съ ефеса, и какъ будто удосповѣрясь, па ли она самая, и примѣшивъ ржавчину на концѣ, поднесъ ее близко къ глазу и наклонилъ голову. Мнѣ казалось, слеза упала на самое по мѣсто; да я и не могъ обмануться, попому что за симъ послѣ-

довало : „ я найду *другое средство* ее счиспипь „ сказалъ онъ. —

При сихъ словахъ Маркизъ вложилъ шпагу въ ножны, поклонился тѣмъ, которые сохраняли ее, и съ своею супругою, съ дочерью и двумя сыновьями, за нимъ послѣдовавшими, онъ вышелъ. — Ахъ! какъ завидовалъ я его чувствованіямъ!

Сувств. Путеш. стр. 155.

О С Е Л Ъ,

Меня оспановилъ у воротъ Лионскихъ бѣдный оселъ, вошедши навьюченный двумя большими коробами, Онъ хотѣлъ подобрать капустные листки и выброшенную зелень; и бывъ въ сомнѣніи, переступилъ передними ногами черезъ порогъ, а задними стоя наружи съ улицы, какъ будто не зная на вѣрное, войди ему, или нѣтъ. —

Эпо живописное несносно мнѣ видѣшь подъ боями; сія шерпбли-

востъ въ спраданиі, напечатлѣнная такъ натурально въ его взглядахъ и поступкахъ, сполько за нею предспашельспвующихъ, всегда обезоруживаетъ, и даже до того, что я не могу кричать на него съ ругательствомъ. Напрошивъ ежели случится мнѣ гдѣ нибудь его встрѣтити въ городѣ или въ деревнѣ, въ шелегѣ или навьюченнаго коробами, на волѣ или въ неволѣ, у меня всегда найдется, что сказать ему лучше; — и какъ одно слово рождастъ другое (ежели ему такъ же дѣлать нечего, какъ и мнѣ), я сплошь вступаю съ нимъ въ разговоръ. И подлинно воображеніе мое никогда сполько не прудится, какъ спашеляя его опѣтны по движенію его поступи; и ежели они не довольно глубоко меня заводятъ, я перелепаю изъ своего сердца въ его, и разсуждаю, что бы такое сродно ослу думать, такъ же какъ и человеку въ иномъ случаѣ. —

Дѣйствительно между всѣми родами существъ, копорыя ниже меня, это одно сполько и есть, съ кошо-

рымъ я такъ поспуваю; попому чшо съ полугаями, съ воронами ипр. не говорю я ни одного слова; ни съ обезьянами почти по той же причинѣ; они дѣлають, какъ другіе говорятъ, изъ наказанія; — а сіе самое заставляешъ меня молчать. И даже моя собака и моя кошка (хотя я ихъ обѣихъ дорого цѣню, а особливо чшо лежишь до собаки, она бы говорила, ежели бы могла шѣмъ или другимъ способомъ), оба не имѣють дарованія разговаривать, и я никакъ не могу съ ними сообразить никакой рѣчи.

Но съ осломъ я могу всегда себе сѣдовать. — Ну, дружокъ! .. сказалъ я ему, видя чшо никакъ не способно было проходить между нимъ и воронами; хочешь ли ты войти, или выйти? —

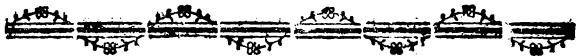
Оселъ повернулъ голову, и посмотрѣлъ на улицу. — „Хорошо, сказалъ я: мы подождемъ на часъ своего хозяина, — и онъ оборотилъ голову опягченную мыслями, и посмотрѣлъ шомнымъ спрадальческимъ видомъ въ другую сторону. — „Я со-

вершено тебя понимаю, молвилъ я; — ешьли ты хоть шагъ не такъ спу-
пишь, то онъ тебя убьетъ до смер-
пи. — Инъ бышь такъ! . . . одна
минуша все минуша; и ежели она
послуживъ къ избавленію отъ побо-
евъ бѣднаго живошнаго; то она не
будетъ записана въ счетъ худо упо-
требляемыхъ. — Между тѣмъ какъ
сей разговоръ продолжался, онъ ѣлъ
спебель арлишока съ печальнымъ
прошивоборствомъ природы, между
голодомъ и худымъ вкусомъ. Онъ
нѣсколько разъ выбрасывалъ его
изъ рта, и опять поднималъ — „Богъ
съ побою, бѣдняжка! завпракъ
твой горекъ — и много дней труд-
ныхъ и горькихъ, и много побоевъ
жестокыхъ въ счетъ жалованья. Я
думаю, все горестъ одна для тебя,
какъ жизнь сія для другихъ. — Я
ушверждаю (попому что онъ бросилъ
спебель), что ежелибъ можно попро-
бовать, въ твоемъ рту теперь
такъ горько, какъ отъ полыни, и
нѣтъ у тебя друга въ мірѣ, кото-
рой бы далъ тебѣ макаронъ. — При
сихъ словахъ вынулъ я изъ кармана

цѣлую бумагу ихъ, которую только что купилъ, и далъ ему одинъ; — и въ сію минушу, когда я это рассказываю, сердце мое укоряетъ меня за то, что шутъ было больше шалости, чтобъ видѣшь, какъ оселъ спанетъ бспъ макаронъ, нежели доброжелательства, которое бы побудило меня къ сему поступку.

Когда оселъ сбѣлъ макаронъ, я понуждалъ его войши. Бѣдная скопина была такъ тяжко навьючена, что казалось ноги подъ нимъ пряслися. — Онъ подался назадъ, и какъ я потянулъ его за поводъ, то онъ перервался въ моей рукѣ съ конца. — Оселъ посмопрѣлъ мнѣ въ лицо — „не сей меня имъ; но ежели ты хочешь — можешь, — Избави Боже, чтобъ я это здѣлалъ! сказалъ я — Рѣчь была на половинѣ, какъ нѣкто изъ прохожихъ подошелъ, обрушилъ цѣлой градъ палокъ на спинѣ бѣднаго живописнаго, и тѣмъ кончилась вся церемонія. —

КРАСОТЫ СТЕРНА.

Бл и ц а.

А! — такъ пы былъ однажды влю-
бленъ, *Тримъ*? сказалъ дядя
мой *Товій* улыбаясь. — И! — Ваше
Благородіе, по самыя уши! опвѣчалъ
Капралъ. Пожалуста скажи, когда?
гдѣ? — и какъ эпо было? Я ни
слова объ эпомъ никогда не слыхалъ
до сихъ поръ, молвилъ дядя мой
Товій. — Смѣю сказаць, опвѣчалъ
Тримъ, чшо всякой мальчишка
барабанщичей, всякой сержантской
сынъ въ полку знали объ эпомъ. —
Ну, такъ мнѣ ужъ и подавну пора —
примолвилъ дядя мой *Товій*.

Ваше Благородіе съ горестью
можете припомнить о совершенномъ
разбитіи и побѣдѣ нашего лагеря и
арміи на сраженіи при *Панденъ*,

всякой изъ насъ былъ оставленъ своей судьбѣ; и естлибъ не полки *Судгамовъ*, *Ломлесъ*, и *Галвеевъ*, которые прикрывали репирату чрезъ *Мурскипенской* мостъ — то и самъ Король Вильямъ чупьли бы успѣлъ спасись чрезъ него; — вы сами знаете, Ваше Благородіе, какъ его со всѣхъ споронъ пѣснили. —

Великой смерпной! вскричалъ дядя мой Товій, пришедшій въ энпузіазмъ — шеперь ужъ какъ все погнбло — еще вижу, какъ онъ скачетъ въ моихъ глазахъ. Капралъ, на лѣвомъ флангѣ, спарается переправнпъ съ собою оставокъ *Аглинской* конницы, подкрѣпнпъ правой — и ежели шолько еще возможно, сорвать лавры съ головы *Люксамбургской*; — вижу, какъ онъ, съ кншью своего шарфа, шолько лншь опорваннаго пулею, оживляетъ новою бодростью бѣдной *Галвеевъ* полкъ — скачетъ вдоль шеренги — возвращаетъ назадъ, и поручаетъ *Контн* надъ ннмъ команду. — Храброй, подлинно храброй! вскричалъ дядя мой Товій; онъ достоинъ лавроваго вѣн-

ца. — Такъ же точно по дѣламъ, какъ воръ висѣлицы! вскричалъ Тримъ. —

Дядя мой Товій зналъ просто-душіе Капралово; — а то бы такое сравненіе никакъ не было ему по мысли. — Капралъ не подумавши выболпнулъ — ворошишь было не лзя — и такъ дѣлашь спало не чего, какъ только продолжашь.

Число раненыхъ было чрезвычай-но, и никто не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о собственномъ своемъ спасеніи. — Между тѣмъ однакожъ *Талмашъ* очень искусно убрался съ своею пѣхою, возразилъ дядя мой *Товій*. Но я былъ оставленъ на полѣ сраженія, обеща-лъ Капралъ. Ты былъ оставленъ, бѣдной *Тримъ*! подхватилъ дядя мой *Товій*. -- Такъ, что ужъ на другой день въ полдни размѣнили меня и положили на шельгу съ 13 ю или 14 ю другими ранеными, чтобъ отвезти въ гошпиталь. — Боль въ моемъ колѣнѣ, продолжалъ Капралъ, сама по себѣ была жеспока, а пѣсноша въ шельгѣ и худая дорога

съ ухабами — еще гораздо болѣе умножали мое мученіе; — на всякомъ шагу была смерть моя, шакъ что испекши весь кровью, будучи кинушъ безъ призрачія, и чувствуя еще припадокъ лихорадки — (бѣдной! бѣдной! молвилъ дядя мой Товій) я всего этого вмѣстѣ не былъ въ силахъ перенести, Ваше Благородіе.

Телѣга наша, копорая была послѣдняя въ ряду, остановилась у одной крестьянской избы — и здѣсь то началъ я жаловаться на нестерпимую боль молодой женщины. Мнѣ помогли войти, и эта женщина, вынувши изъ кармана спиртъ, накапала на сахаръ, и видя, что это меня оживляетъ, подала мнѣ въ другой и претій разъ — Я рассказывалъ ей, Ваше Благородіе, про свою боль, что она шакъ нестерпима для меня, что я лучше бы согласился лечь въ постель (оборотясь при сихъ словахъ лицомъ къ той, копорая спояла въ углу избы) — и умереть, нежели бѣжать далѣе. — Какъ она повела меня къ той постели, то я упалъ въ обморокъ на ея

рукахъ. — Она имѣла самую добрую душу, сказалъ Капралъ, упирая слезы. — Ваше Благородіе изволите услышать. —

Я думалъ, что любовь самая веселая вещь, молвилъ дядя мой *Товій*.

Иногда, Ваше Благородіе, это самая суріозная вещь въ свѣтѣ!

По убѣжденію молодой женщины шелѣга съ ранеными уѣхала безъ меня; она увѣрила ихъ, что я ни минушы живъ не останусь, какъ скоро положатъ меня на шелѣгу; ишакъ когда я опамяшовался, то нашелъ себя въ пихой и спокойной хижинѣ, въ которой никого не было, кромѣ молодой женщины, кресъянина и его жены. Меня положили поперегъ кровати въ углу избы, а раненую мою ногу на скамейку; молодая женщина сидѣла возлѣ меня, и прикладывала одною рукою узелокъ своего плашка, намоченной уксусомъ, къ моему носу, а другою поширала мои виски. —

Сперва счелъ я ее за дочь этого кресъянина (потому что это

былъ не практиръ), и отдалъ ей кошелекъ съ 18 ю флоринами, которые бѣдной мой братъ *Томъ* (при сихъ словахъ *Тримъ* утиралъ глаза) переслалъ мнѣ въ госпиталецъ черезъ одного рекрута передъ самымъ своимъ отпускомъ въ *Лиссабонъ*.

Молодая женщина кликнула старика и его жену въ избу, чтобы показать имъ деньги, и шѣмъ здѣлать мнѣ кредитъ въ постели и другихъ мѣлочахъ, которыхъ мнѣ понадобится, пока буду я въ соспояніи отправиться въ госпиталь. — Хорошо, сказала она завязывая кошелекъ, я буду у тебя казначея; но какъ одного этого дѣла мало, то я буду вмѣстѣ и пвоею прислужницею. По голосу, съ какимъ она это сказала, и по ея одѣянію, которое началъ я разсматривать пристальнѣе — спалъ я думать, что эта молодая женщина не могла быть дочь крестьянина. Она была въ черномъ до самыхъ пятъ; волосы спрятаны были подъ баписповою косынкою, завязанною напередѣ головы, такъ точно, какъ бываеши у эпѣхъ монастырокъ, Ваше

Благородіе, копорыхъ было много во *Фландри*, какъ Ваше Благородіе вѣдомы, и копорыя выходятъ свободно. — По своимъ разсказамъ, *Тримъ*, сказалъ дядя мой Товій, я сужу, что эпо была молодая *бѣлица*, копорыхъ нигдѣ не лзя найши, кромѣ *Гишпанскихъ Нидерландъ* — выключая *Амстердамъ* — и онѣ опличаюшя опѣ монахинь шѣмъ, что выходятъ изъ монастыря, какъ скоро пожелаюшъ за мужъ; онѣ посѣщаюшъ больныхъ и прислуживаюшъ имъ по своему чиноположенію; — желалъ бы я съ моей стороны, чтобъ онѣ лучше дѣлали эпо по добродушію.

Молодая *бѣлица*, продолжалъ Капралъ, лишь только успѣла молвишь эпо слово: „буду швоею прислужницею“, то вѣ шуже минушу скоро поворошилаь, чтобъ приняшья за дѣло и приготоовишь кое-что для меня, и вѣ самое короткое время — хотя оно мнѣ и долгимъ показалось — принесла фланель ипр. ипр. Дѣлавши припарку къ моему колѣну около двухъ часовъ, и подавши мнѣ парелку кашицы на ужинъ — она по-

желала мнѣ спокойной ночи, и оѣщала припши ко мнѣ поупру рано; — она пожелала мнѣ, Ваше Благородіе, чего не можно было ожидать. — Лихорадка моя сильно умножилась ночью; — образъ ея производилъ внупръ меня жеспокое волненіе — я всякую минушу дѣлилъ свѣтъ на двое, чпобѣ опдашь ей половину — и всякую минушу съ сожалѣніемъ вспоминалъ, что у меня кромѣ снабзака и 18 флориновъ не чего было раздѣлишь съ нею, — цѣлую ночь прекрасная бѣлица мечпалась мнѣ; она, какъ Ангелъ, стоицѣ возлѣ моей кровати, опдергиваетъ занавѣсъ и подаетъ мнѣ спиршы. — Я пробудился отъ сихъ грезъ съ приходомъ въ уреченное время, и она подала мнѣ ихъ въ самомъ дѣлѣ. Да и подлинно она почти не опходила отъ меня; и я такъ привыкъ получашь жизньъ изъ рукъ ея, что бывало сердце у меня замреть, и я поблѣднѣю, какъ она выходитъ изъ горницы. — Любовь, Ваше Благородіе, въ эпомъ случаѣ точно какъ война; и солдапъ, которой уцѣлѣлъ цѣлыя при недѣли

до самой полуночи вѣ субботу — можетъ пораженъ быть вѣ сердце вѣ воскресеньѣ поупру: — такъ это и здѣсь случилось, Ваше Благородіе, только свѣ по о разницею, — что я влюбился вѣ воскресеньѣ по полудни, вдругъ, какъ разъ — и эта любовь, Ваше Благородіе, обрушилась на меня какъ бомба — которая едва дала мнѣ время перекреститься.

Мнѣ казалось, *Тримъ*, сказалъ мой дядя *Товій*, что человекъ никогда не можетъ такъ скоропоспѣжно влюбиться.

Можетъ, Ваше Благородіе, коли о вѣ гошовѣ любви, опѣчалъ *Тримъ*.

Пожалуйста, молвилъ дядя мой *Товій*, расскажи мнѣ, какъ это все случилось? —

Со всею охотою, Ваше Благородіе, опѣчалъ Капралъ, поклонившись. — Я избѣгнулъ, продолжалъ Капралъ, во все это время о вѣ разъ любви, и дошелъ — было ужъ до самаго конца этой главы, еспьли бы не сужено мнѣ было иначе. — Судьбѣ своей пропивиться не лзя. Это было вѣ воскресеньѣ по полудни,

какъ я докладывалъ Вашему Благо-родію. Старичокъ съ своею женою куда - по оплучились; — около хижины все шакъ умолкло, шакъ было шихо, какъ вѣ полночь. —

Довольно шого, что не было ниже ушки на дворѣ, когда пришла навѣспить меня прекрасная *бѣлица*.

Рана моя подживала, и шло уже къ шому, чтобъ мнѣ выздоравливать; — вся инфламация прошла съ нѣкошораго времени, но за нею послѣдовалъ внизу и вверху моего колѣна такой несперпимой зудъ, что я не могъ свестъ глазъ цѣлую шуночь. — Дай - ка мнѣ посмошрѣшь, сказала она, спавши на колѣни на полу параллельно съ моимъ колѣномъ. — Енадобно немношко попереешь, сказала *бѣлица*; попомъ накрывши ее одѣяломъ, она начала переднимъ пальцомъ своей правой руки шерешъ внизу моего колѣна — вода его шо взадъ, шо впередъ по краю фланели, кошою обвязана была перевязка.

Черезъ пяшь или шесшь минутъ я почувшвовалъ скоропоспижно ко-нецъ и шпораго ея пальца, и вдругъ

онѣ сталѣ тѣсно соединенѣ съ первымѣ; между тѣмѣ она все продолжала перешь такимѣ образомѣ все вокругѣ - вокругѣ, довольно долго; шупѣ - то пришло мнѣ въ голову, что я долженѣ влюбиться. Я покраснѣлѣ, когда увидѣлѣ, какая была у нее бѣлая рука; — никогда, Ваше Благородіе, никогда не увижу я такой бѣлой руки, пока живѣ. —

Молодая *бѣлица*, продолжалѣ Капралѣ, примѣпивши, что мнѣ очень помогало это шреніе черезѣ нѣсколько времени отѣ двухѣ пальцевѣ, начала перешь еще шремя, — а шамѣ мало по малу присоединился и четвершой, и напоследокѣ спала она перешь всею рукою; я ужѣ болѣе ни слова не молвлю, Ваше Благородіе обѣ этой рукѣ — но она была мягче апласу.

Пожалуйста, Тримѣ, выхваляй ее сколько хочешь, сказалѣ дядя мой Товій; я буду слушать твою повѣсть съ большимѣ удовольствіемѣ. — Капралѣ благодарилѣ своего командира отѣ чистаго сердца; но не имѣя ничего болѣе сказать обѣ рукахѣ сво-

ей *бллицы*, какъ развѣ шже, что и прежде — онѣ приступилъ къ самому произведенному опѣ эпой руки впечатлѣнію.

Прекрасная *бллица*, сказалъ Капралъ, продолжала перепѣ всюю рукою внизу колѣна до шѣхъ порѣ, пока я не побоялся, чтообѣ она не уснула опѣ своей услужливости. — „Я бы сто разѣ долѣе еще перла, сказала она, ради любви Христовой.“ И какъ она продолжала перепѣ — я чувствовалъ Ваше Благородіе изѣ подѣ руки ея разливающееся нѣчто по всѣмъ частямъ моихъ сосавовъ.

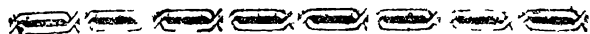
Чѣмъ долѣе она перла, и чѣмъ далѣе захватывала рукою — тѣмъ больше распроспранялся огонь по моимъ жиламъ — пока наконецъ, опѣ двухъ или трехъ попираньевъ, далѣе всѣхъ прежнихъ — спраспѣ моя возрасла до вышней степени. — Я схватилъ ея руку — и шупѣ, подхватилъ дядя мой *Товій*, шны прижалъ ее къ своимъ губамъ, *Тримъ*, и сказалъ ей рѣчь.

Такъ ли почно кончились амуры Капраловы, какъ дядя мой заклю-

чалъ — до того нѣшъ нужды; довол
но, что любовь сія содержитъ въ
себѣ сущность всего того, что ска-
зано во всѣхъ романахъ, какіе толь-
ко были писаны отъ начала свѣта.

„Гр. Шеңди, Част. IV, гл. 45.

(Продолженіе впрѣдъ.)

44.

М О Й Т У А Л Е Т Ъ.

Отрѣзокъ.

Признаюсь, къ винѣ моей передъ
великимъ Бюффономъ (*), что
я скучаю за шуалешомъ, — и между
тѣмъ, какъ *зодій* волосъ моихъ
занимается внѣшнимъ украшеніемъ
головы моей, я занимаюсь внуpren-
нимъ ея украшеніемъ — то естъ,
чишаю. — Подымая глаза отъ време-
ни до времени, я вижу въ зеркалѣ,
что зодчій мой заглядываетъ въ
книжку, копорая въ рукахъ у меня. —
Зная грамошъ, онъ любопытствуетъ,
что я чишаю; но часто сухая мина
его говоритъ мнѣ, что любопытство
его щещно! — книжка часто не Русская.

(*) Извѣстно, что Бюффонъ любилъ
сидѣть за шуалешомъ.

 КРАСОТЫ СТЕРНА.

(Продолженіе.)

МАРЬЯ.

Послышались мнѣ самыя пріятныя поны; я пошчасѣ опустилѣ переднее стекло у кареты, чшобѣ вслушаться лучше. — Марья играешѣ, сказалѣ мнѣ почтарь, примѣпя, что я высунулся. — Бѣдная *Марья!* продолжалѣ онѣ (наклоняся вѣ сторону, чшобѣ дашь мнѣ видѣть ее, пошому что онѣ былѣ вѣ прямой линіи между нами); она сидишѣ на скамьѣ и наигрываетѣ на флейшѣ свои вечерніе каншы, сѣ козочкою возлѣ себя.

Молодой парень произнесѣ сіи слова такимѣ голосомѣ, сѣ такимѣ взглядомѣ, сообразнымѣ чувствительному сердцу, чшю я вѣ шуже минушу далѣ себѣ обѣщаніе подарить ему *зетверть* на водку, какѣ скоро пріѣду вѣ *Мулинѣ*.

А кто такая бѣдная *Марья*? спросилъ я. — Дѣвушка, любимая во всемъ нашемъ околоткѣ, обѣ копорой всѣ сожальють, опевчалъ почшарь. Три года назадъ тому, какъ подъ солнцемъ не лзя было найти такой прекрасной, такой оспроумной, и любезной дѣвушки; *Марья* споила лучшей учаспи, нежели чшобы бракъ ея запрещенъ былъ по инпригамъ сельскаго Пасшора, копорой долженъ былъ о немъ обнародовать.

Онъ хотѣлъ - было продолжать, какъ *Марья*, копорая нѣсколько промолчала, поднесла свою флейшу къ губамъ, и начала сноваарію, — оняшь тѣже самыя тоны, но еще въ десять разъ принципѣ; это ея вечерніе канты Богородицѣ, сказалъ молодой человекъ; но кто ее выучилъ играть ихъ, и какъ она доспадала эту флейшу — никто этого не знаетъ; думашъ надобно, что Богъ помогалъ ей въ томъ и другомъ; пошому что съ нѣкъ поръ, какъ она помѣшалась въ умъ, кажется это одно только ей ушѣшеніе: — флейша

никогда не выходитъ изъ ея рукъ, и она играетъ на ней эшѣ *кантат* и день и ночь.

Почптарь рассказывалъ это съ такою скромностію, съ такимъ природнымъ краснорѣчіемъ, что мнѣ казалось я распознавалъ въ чертахъ лица его нѣчто выше его соспоянія; и конечно бы разспросилъ объ немъ подробнѣе, естли бы бѣдная *Марья* на ту пору не заняла всего меня совершенно. Между тѣмъ мы подѣхали къ самому пому мѣсту, гдѣ сидѣла *Марья*; на ней была тонкая бѣлая кофточка, волосы (кромѣ двухъ локоновъ) всѣ были подобраны подъ шелковую сѣточку, на которой было нѣсколько масляныхъ листковъ, переплетенныхъ по своему, немножко спранны, на одну сторону. — Она была прелестна; и никогда не чувствовалъ я такой глубокой болѣзни сердца испинно честнаго, какъ въ сію минушу, когда ее увидѣлъ.

Ахъ! помилуй ее Богъ! Бѣдная дѣвушка! сказалъ почптарь; сколько-то обѣденъ пѣли въ разныхъ при-

ходскихъ церквахъ, и по монастырямъ окружнымъ за нее, — но все напрасно! Мы еще имѣемъ надежду, когда она приходивъ въ чувство на нѣсколько минутъ, что Богородица возвративъ ей наконецъ прежній разумъ; но ея родители, которые лучше ее знаютъ, совсѣмъ въ этомъ опчаялись, и думая, что она лишилась навсегда своего разсудка. —

Какъ почтарь говорилъ это, *Марья* играла такъ меланхолично, такъ нѣжно, такъ жалобно, что я выскочилъ изъ каресы утѣшивъ ее, и усѣлся между ею и козочкою, прежде нежели онамяшовався онъ моего воспорга. — *Марья* посмотрѣла нѣсколько минутъ приспально на меня, и по томъ на свою козу; — по томъ на меня, по томъ опять на козу, и такъ далѣе попеременно. —

Ну, *Марьюшка!* сказалъ я ей крошко, какое ты находишь сходство?

Заклинаю чистосердечнаго чисташеля повѣрить мнѣ, что я единственно по самому смиренному

убѣжденію , какой звѣрь бываетъ че-
 ловѣкъ — здѣлалъ такой вопросъ ; и
 что я бы не хотѣлъ проронить ша-
 кую шутку не умѣста предъ по-
 чтеннымъ лицомъ нещасія, когдабъ
 удоспойвали меня всею остроумію
 ума, какую *Рабеле* распространилъ. —
 Однакожъ признаюсь, что сердце
 мое меня въ помѣ укоряло, и что
 я сколько мучился одною о семъ
 мыслию, что поклялся хранить пра-
 вила мудрости, и произносилъ толь-
 ко важныя изреченія во весь оста-
 токъ дней моихъ, — и никогда —
 никогда не вмѣшивалъ въ разговоры
 никакой замысловатости ни съ му-
 щиною, ни съ женщиною, ни съ ребен-
 комъ, во всѣ лѣта моей жизни.

Но что касается до того,
 чтобъ писать для нихъ безсмысли-
 цу, — то думаю, на это есть исклю-
 ченіе ; — однакожъ я сіе осмѣляю
 для свѣта.

Прости, *Марья!* — прости, бѣд-
 ная безщасная дѣвушка! Можешь
 быть когда нибудь — но не теперь —
 я услышу твои горести изъ соб-
 ственныхъ устъ твоихъ — Но я

обманулся ; она поспѣшнѣ взяла флейту , и рассказала мнѣ на ней такую повѣсть о своихъ злополучіяхъ , что я вспалъ , и пошелъ косными и неровными шагами къ своей каретѣ. —

Гр. Шенди , Часть. IV. гл. 83.

М А Р Ъ Я.

М у л и н ъ.

Я никогда еще до сихъ поръ не чувствовалъ ни подъ какимъ другимъ видомъ такого разоренія изобилію. — Путешествовавши черезъ *Бурбонскую* страну , пріятнѣйшую часть Франціи , въ самую жаркую пору собиранія винограда , когда Напура разливаешь богатые дары свои въ нѣдра каждаго , и когда всѣхъ взоры въ веселіи проспиряются — путешествовавши , когда на всякомъ шагу музыка бьетъ такъ *трудолюбію* , и всѣ его дѣши съ радостнымъ поржешвомъ собираютъ виноградныя кисти — проѣзжая

страны съ моими чувствованіями; излетающими мгновенно, и воспаляющимися при каждой группѣ предо мною — и когда каждая наполнена приключеніями. —

Боже мой! это бы могло наполнить двадцать томовъ, — но ахъ! у меня оспалось только нѣсколько страничекъ, чтобъ помѣстить на нихъ все это, а половина и изъ нихъ должна быть оставлена для бѣдной *Марси*, которую другъ мой Шенди встрѣтилъ близъ *Муллина*.

Повесть, которую онъ разсказалъ объ этой помѣщенной дѣвушкѣ, не мало пронула меня при ея чтеніи; но когда добралъ я до собственнаго мѣста, гдѣ она жила, то повесть споль сильно возобновилась въ моихъ мысляхъ, что я никакъ не могъ пропивиться побужденію, влекшему меня поворошить въ сторону на полмили отъ дороги, гдѣ жили ея родители, чтобъ отъ нихъ объ ней развѣдать. —

Это похоже на рыцаря печальнаго ордена — бхаетъ искашь меланхолическихъ приключеній; — но я не

знаю, опѣ чего это происходитъ; только никогда я сполько совершенно не удосповѣренъ, что есть во мнѣ душа, какъ въ это время, когда залунаюсь въ такія приключенія. Мать, спарушка, опворила двери; ея взгляды сказали мнѣ всю испорію, прежде нежели она опкрыла ротъ; — она лишилась своего мужа, онъ замѣсяць предъ симъ умеръ, сказала она, съ печали, что *Марья* помѣшалась. — Сперва было боялась я, продолжала она, чпобъ опѣ этого бѣдная дѣвка и послѣдняго смыслу не лишилась, но напрошивъ она не много пришла въ себя; — однакожъ все не могу я успокоиться. — — — Бѣдная моя дочка, молвила она всхлипывая, вѣрно бродитъ гдѣ нибудь около дороги. — — — Какъ помно пульсъ мой бьется, когда я пишу это! — И опѣ чего Лафлеръ, котораго сердце настроено кажешся для одной радости, два раза упираетъ себѣ глаза кулакомъ — когда спарушка сповла и рассказывала? Я велѣлъ почтарю поворошить на большую дорогу. — Когда мы опѣвхали

на полмили отъ *Мулина*, на маленькомъ переѣздѣ черезъ дорогу, ведущемъ къ лѣсочку, сидѣла бѣдная *Маша* подъ пополомъ; — докопъ ея лежалъ на колѣняхъ, а голова наклонилась на одну сторону ея ладони; — у подошвы дерева прошекалъ ручеекъ.

Я приказалъ почтарю воропиться съ карешою въ *Мулинъ*, а *Ласфлеру* поспараться обѣ ужинѣ — самому же мнѣ хошѣлось пѣшкомъ припши за ними.

Она была въ бѣломъ платьѣ, почти такъ, какъ описалъ ее мой пріятель, съ шюю шолько розницею, что волосы у нее были распущены, а не спрятаны, какъ прежде, подъ шелковую сѣпочку; — она прибавила поже къ своей кофпочкѣ блѣдно-зеленую ленту, которая висѣла у нее черезъ плечо до самаго лифа, и на которой была повѣщена ея флейша. Коза ея вѣрно ей такъ же измѣнила, какъ и ея любовникъ, и она взяла себѣ вмѣсто козы собачку, которую держала на суркѣ, привязанномъ къ своему поясу. Какъ я

посматривалъ на ея собачку, она по-
пятила ея къ себѣ за снурокъ —
„Ты не покидай меня, *Силвинска!*“,
сказала она. Я посмопирѣлъ въ глаза
Марю, и примѣшилъ, что она больше
думала о своемъ опцѣ, нежели
о своемъ любовникѣ, или о своей козоч-
кѣ; попому что когда она это произне-
сла, по слезы покапнулись по ея щекамъ.

Я сѣлъ поручь съ нею, и *Маря*
позволила мнѣ упереть моимъ плаш-
комъ ея слезы, когда онѣ капнулись.
Я омочалъ его и своими и ея сле-
зами — и моими опяшь и опяшь
ея, — и когда я это дѣлалъ, по чув-
ствовалъ внутри себя шакія неопи-
санныя движенія, которыхъ не лзя
извяснить никакимъ сопряженіемъ
матеріи и движенія. —

Я швердѣлъ въ шомъ, что имѣю
душу; и всѣ книги, которыми ма-
териалисты заразили свѣтъ, не мо-
гутъ меня увѣрить въ прошивномъ. —

Когда *Маря* пришла нѣсколько
въ себя, по спросилъ я у нее, не
припомнитъ ли она того блѣднаго
сухощаваго человекъ, копорой за два
года передъ симъ сидѣлъ между ею

и ея козою? — Она отвѣчала, что она была въ ту пору очень смѣшана; однакожъ помнилъ это по двумъ причинамъ: — первое, что при всей ея дурнои она примѣшила, что эптоиъ человекъ жалѣлъ обѣ ней; другое, что коза ея унесла его плашокъ, и за эту покражу она ее побила. — Я вымыла эптоиъ плашокъ, сказала она, въ ручейкѣ, и съ нѣхъ поръ всегда ношу въ карманѣ, чтобъ опдашь ему, въ случаѣ естѣли когда нибудь ояпшь съ нимъ увижусь; — что, примолвила она, онъ почти мнѣ и общалъ. Сказавъ это, вынула она плашокъ изъ кармана и показала мнѣ; онъ былъ завернушъ число въ два виноградные листка, и обмотанъ винограднымъ же ускемъ. — Развязавши увидѣлъ я S (*), назначенной на одномъ уголкѣ.

Съ того времени, говорила она мнѣ, путешествовала она до самаго *Рима* — ходила около церкви *св. Петра* — возвратилась назадъ — сыскала себѣ дорогу черезъ *Алійскія горы* — про-

(*) Слово, съ котораго начинается въ *Аглинскомъ Schandy, Stern.*

шла всю *Ломбардію* безъ денегъ, — и всѣ каменистыя дороги въ *Саеойъ* безъ башмаковъ, и какъ она все это выперпѣла, какъ она перенесла это, сама разсказать не умѣетъ; — но Богъ, заключила *Марья*, укрощаетъ бури для осприженного агнца.

Подлинно осприженного, и даже до живова! сказалъ я; и естли бѣ ты была въ моей опчизнѣ, гдѣ у меня естъ маленькой уголокъ, я принялъ бы тебя, зберегъ бы тебя; ты бы вкушала со мною хлѣбъ насущной, ты бы пила изъ одной чаши со мною, я бы ласкалъ твою *Силвинку*; — естли бѣ ты занемогла — либо заблудилась гдѣ нибудь — я бы пошелъ за тобою, привелъ бы тебя домой; — когда бы солнце закапилось, я спалъ бы чашать свои молитвы, а послѣ того и ты бы проиграла свою вечернюю пѣснь *Богородицы* на своей флейшѣ, — и еиміамъ жертвы моей шѣмъ не меньше бы проникнулъ небеса, опъ того, чпо онъ бы восходилъ вмѣстѣ съ еиміамомъ сокрушеннаго сердца. —

Природа вся во мнѣ распаяла, когда я произносилъ сіи слова; и

Марся примѣшивъ, какъ я вынималъ плапокъ изъ кармана, чпо онъ былъ очень мокръ и не годился ушпираться — хотѣла было пойпи вымышь его въ ручейкѣ. — Гдѣ жѣ пы высушишь его, *Марьюшка*? сказалъ я. — Я его высушу у своего сердца, молвила она — мнѣ это будетъ пріяпно.

Развѣ швое сердце, *Марьюшка*, и до сихъ поръ такъ горячо? спросилъ я. —

Спруна, до которой я допронулся, опозвалаь всѣми ея злополучіями; — она посмопрѣла приспально и съ нѣкоторымъ смущеніемъ мнѣ въ лицо; по томъ, не говоря ни слова, взяла свою флейшу, и начала играшь свой канпѣ Богородицѣ. — Спруна до которой я допронулся, переспала звенѣшь. — Черезъ минупу или двѣ *Марся* пришла въ себя — уронила свою флейшу. — и вспала.

Куда жѣ пы хочешь ипши, *Марьюшка*? спросилъ я. — Въ *Мулинъ*, опвѣчала она. — Пойдемъ, сказалъ я, вмѣспѣ. — *Марся* взяла меня подъ руку — попустила снѣрокъ, чпобъ собачка могла бѣжать за нами — и мы такимъ образомъ вошли въ *Мулинъ*.

Хотя я и ненавижу кланяшся и здорововашся на публичныхъ мѣ-
сцахъ, но когда взошли мы на пло-
щадь — я оспановился, чшобъ взгля-
нуть въ послѣдній разъ на *Марю*
и проспишся съ нею.

Марья хотя не велика роспомъ,
однакожъ была изъ первыхъ прекра-
сныхъ фигуръ; — печаль опшувевала
ея взоры чѣмъ-то едва ли земнымъ;
но она все была женщина — и въ
ней было шакъ много всего того,
чего сердце желаетъ, чего глазъ
ищетъ въ женщинѣ, что ештли бы
когда нибудь могло изгладиться въ
ея памяти худое впечатлѣнiе, или
черты *Элизы* въ моей: то она бы не
только *вкушала со мною хлѣбъ на-
сущенный и пила изъ одной чаши*, но
Марья покоилась бы на груди моей,
и была мнѣ вмѣсто дочери.

Прости — жалкая, несчастная дѣву-
шка! — Приемли вино и елей, кои соспра-
дательной иноземецъ, проѣзжая по
этой дорогѣ, низліетъ на раны швои! —
Сущесшво, двоекратно поразившее
тебя, единое шокмс можетъ уврачевашъ
сіи язвы на всю вѣчность. —

Сувитъ. Путеш.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

— Любезная Чувствительность! источник неисчерпаемый всего, что есть дорого в наших удовольствиях, и многоцѣнно в наших огорчениях! — ты гнепешь своего спрадальца на соломенномъ ложѣ — и ты возвышаешь его до небесъ. — Вѣчный ключъ нашихъ чувствований! — здѣсь изображаю тебя — и швоя — по „*Божественная сила движется внутри меня*„ — не по что иногда в скучныхъ и болѣзненныхъ минушахъ душа моя опровергается на самую себя, и трелещетъ при мысли о разрушеніи „ — одно напыщеніе словъ! — но по самое, когда я чувствую нѣкоторыя великодушныя удовольствія, нѣкоторыя великодушныя заботы превыше самого себя. — Все происходитъ отъ шебя, великое — великое хранилище чувствей (sensorium) цѣлаго свѣта! болѣющая и тогда, когда единый власъ съ главы упадетъ в вондаленнѣйшихъ слепяхъ твоего творенія. — Тронутый ею *Богъ* приходитъ къ одру мое-

му, когда я изнемогаю; — слушаетъ мои жалобы на припадки, и обвиняетъ время, что оно разспроило его нервы. — Часно вселяешься ты въ душу самаго проспаго поселанина; онъ переходитъ холодныя горы — сыскиваетъ расперзаннаго агнца изъ чужаго спада, — въ сію минушу вижу я его склонившаго голову на посохъ, съ самымъ жалоспдивымъ видомъ взирающаго на него. — Ахъ еспьлибъ я нѣсколько пришелъ раньше! — Бѣдной испекаетъ кровью — его доброе сердце обливается кровью вмѣстѣ съ агцемъ. —

Миръ тебѣ, великодушный паспырь! — я вижу, какъ ты удаляешься съ въздыханіемъ; — но пвое удовольствіе перевѣситъ его: — ибо блаженна та хижина, въ копорой ты обитаешь! — блаженъ попъ, кто раздѣляетъ ее съ тобою — и блаженны агнцы, вокругъ тебя веселящіеся!

Сувст. Путеш.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С е д м о й Ч а с т и.

	Стран.
1 Гимнъ чешыремъ временамъ. года. - - -	3
2 Гимнъ уединенію. - - -	10
3 Единобесѣдованіе Елисаветы Рове. - - -	13
4 Стихи въ честь Томсона. - -	15
5 Всеобщая молитва Высочайшему Богу. - - -	17
6 Мессія — Эклога. - - -	20
7 Ода Пріорова. - - -	26
8 Вѣнокъ. - - -	33
9 Свверъ. - - -	36
10 Скорбь. - - -	38
11 Серена, нравоучительная по- вѣсть. - - -	49
12 Черты изъ Милшоновой Поэмы. -	62
13 Великодушная дѣвица. - - -	64
14 Единобесѣдованіе. - - -	65
15 Бедламъ, Англинской анекдотъ. -	71
16 Къ В. В. Над — ской. - - -	77
17 Жалобное сѣшпованіе дѣвицы. -	81

	Стран.
18 Пріятное прощаніе. - -	85
19 Ревнивая Хлоя. - -	88
20 Ошвъшѣ ревнивой Хлоѣ. - -	91
21 Другое единоебесѣдованіе Ел. Рове. - -	93
22 Ошибка Купидона. - -	95
23 Аглая, или благодѣяніе. - -	113
24 Красоты Стерна: - -	117
Пульсѣ - -	—
Мужѣ. - -	123
Перчатки. - -	126
Пирожникѣ. - -	129
Шлага. - -	133
Оселѣ. - -	137
25 Ошибка Венеры. - -	141
26 Памятникѣ. - -	143
27 Ода на смерть Томсона. - -	145
28 Ода къ молодой женщинѣ. - -	149
29 Рѣшимость. - -	151
30 Джемсу Томсону. - -	159
31 Крѳовая ночь, или конечное па- деніе дому Кадмова - -	161
32 Дорида. - -	273
33 Ошчаяніе любовника. - -	280
34 Осенній вечерѣ. - -	281
35 Кѣ Д. А. Б. — ву. - -	286
36 Письма изѣ Португалліи. - -	289
37 Изображеніе Графини де ла Зюзѣ. - -	304
38 Аделаида Бургундская. - -	305
39 Робинзонѣ на пущомѣ островѣ. - -	319
40 Ошвъшѣ. - -	336

	Стран.
41	День злодѣйства и мщенія. - 353
42	Чрезвычайное несчастіе. - 497
43	Красоты Стерна. - 513
44	Мой шуалетъ. - 525
	Красоты Стерна: - 529
	Марья. - —
45	Чувствительность. - 543
46	Желаніе спокойствія. - 545
47	Пѣсня. - 555
48	Къ барашку. - 557

